

Запечатленная Россия

Кубытура
2004-19-25 февр. 6 10
Васнецов из рода Васнецовых

Андрею Васнецову восемьдесят... Неумолим ход времени: те, кто, казалось бы, еще так недавно были знаменем обновления нашего искусства, с кем связывались представления о молодости, о втором после 1910 – 1920-х годов свободном взлете русского искусства XX века, – ныне почтенные “аксакалы”, “классики”, чье место в музеях...

Только ли в музеях? Сегодня, когда Россия с мучительным напряжением пытается связать, восстановить оборванные нити своей истории, вернуть незыблемые опоры народной жизни, так легко и высокомерно разрушенные, Андрей Васнецов современен как никогда. Такие, как он, – мосты не между настоящим и прошлым, а между двумя берегами русской жизни.

Он всегда стоял несколько особняком среди живописцев своего поколения; был и близок другим шес-

тидесятникам, и отличался от них не столько своим художественным почерком, сколько своим мироощущением.

Судьба его была обычной для мальчиков рождения 1924 года, тех немногих из них, кому довелось вернуться с войны. Прямо после школы, в 1942 году, – фронт, путь от Курской дуги до Кенигсберга; после демобилизации, в 1945-м, – наеврствывание упущенного, учение, доучивание... Васнецов поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства – институт Дейнеки (он был директором), как тогда называли МИПИДИ в Москве. В 1948 году, в пору жестокой борьбы с “формализмом”, институт “формалиста” Дейнеки был закрыт, профессоров, среди которых были лучшие наши художники, уволили, студентов распахали по другим вузам. Васнецов в начале 50-х окончил фа-

культет монументальной живописи Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И.Мухомовой.

Он начал творческий путь как художник-монументалист и живописец в годы хрущевской “оттепели” – эпоху яростных переоценок, увлеченного обращения к традициям 1920-х – начала 30-х годов, страстных надежд и быстро рухнувших иллюзий. Как и другие шестидесятники, увлекался живописью ОСТА (“Общества станковистов” 1926 – 1932 гг.), многим в своем творчестве был обязан прямым своим учителям по МИПИДИ – “остовцам” Александру Дейнеке и Андрею Гончарову. Своим сдержанным, часто почти монохромным колоритом, строящимся на сочетаниях оттенков серого, коричневого с вкраплениями охристо-красного, белого цветов; общенностью и строгой простотой Васнецов был близок эстетике “сурового стиля”, его живописному строю. Как и многие художники его поколения, отдал щедрю дань монументальным работам – росписям, гобеленам, мозаикам, декоративным украшениям из дерева и металла; оформлял концертные залы, театры, административные здания в разных концах страны. В этих своих работах, таких, как мозаика “Покорители космоса” в вестибюле Музея истории космонавтики в Калуге, более всего смыкался с другими художниками 1960 – 80-х годов, своими сверстниками и единомышленниками.

И все-таки было в Андрее нечто такое, чего не было и не могло быть ни у кого из его поколения. Он был Васнецовым из рода Васнецовых; родным внуком знаменитого Виктора Васнецова; в нем жили “гены” Васнецовых; самый его облик, могучий, народный северный русский тип – Васнецовы родом из Вятской губернии – живо напоминал облик его прославленного деда. Искусство – не напоминало.

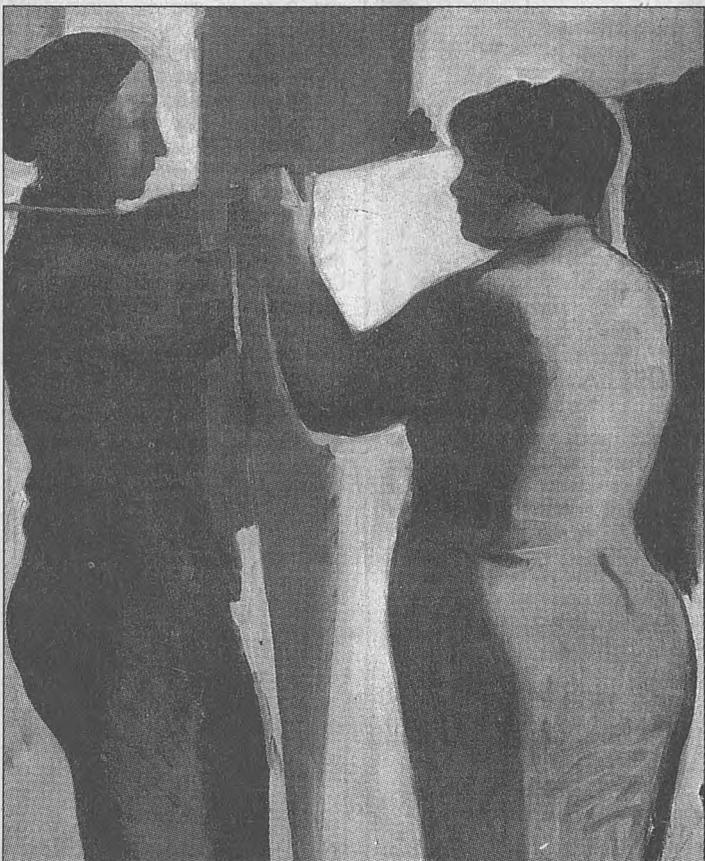
Андрей никогда, ни одной чертой своего творчества не подражал эпической былинности и истовому православию Виктора Васнецова, не уходил в историю, реконструкцию быта России XVII – XVIII веков, как Аполлинарий Васнецов; не увлекался стилизациями в народном духе, столь ярко проявившейся в иллюстрациях к русским сказкам Юрия Васнецова. А между тем присущее ху-

дожникам Васнецовым острое чувство России воскресло и жило в их внуке не только с не меньшей, но, быть может, с еще большей остротой.

Россия Андрея Васнецова – не страна ностальгических воспоминаний о то ли бывшей в действительности, то ли пригрезившейся “святой Руси”. Но нет в его искусстве и тенденциозной рассудочности, нарочитого “руссофильства”, оглядки на политику, которыми грешили многие мастера “сурового стиля” конца 50-х. Россия Васнецова живет в настоящем как реальность жизни его самого, его семьи, его друзей. В простоте и обыденности сюжетов (“Вешают белье”, “Двое на диване”, “Разговор”, “Стирающая”, “Сборы на охоту” и т.д.) нет ничего экстраординарного, демонстративного, декларативного. Просто жизнь.

Живописные работы Васнецова – не рассказ о России, не мечта о России, не скорбь за Россию – они сама Россия. Женщины, чистящие картошку за кухонным столом, – скудная, полуголодная и терпеливо-гордая Россия послевоенной, “послесталинской” поры. Мальчик, задумавшийся над пустой тарелкой, погруженный в себя, не по годам взрослых лет осмысливающий и прозревающий. Белая лошадка в темном, с нависшими стропилами сарае, бережно склонившаяся над лежащим на полу жеребенком, – не часто увидишь такой проникновенный, горестно-светлый образ России, как в этой едва ли не лучшей работе Андрея Васнецова середины 80-х годов.

Многое из нашего недавнего и уже такого далекого прошлого и впрямь ушло, отболело, отшумело, обрело “вечную память и вечный покой” в музейных экспозициях. Но запечатленная в работах Андрея Васнецова Россия – с ее все еще неустрашенностью и чернотой, скудностью и долго-терпением, с ее, несмотря ни на что, способностью сопереживать, сострадать – живет в настоящем, как жила и двадцать, и тридцать, и двести лет назад. Не так уж много у нее “певцов”, способных так ощущать ее, как Андрей Васнецов, один из тех подлинных художников, для которых возраст – почтенные, юбилейные восемьдесят лет – не имеет никакого значения.

А.Васнецов. “Вешают белье”. 1960 г.

Мария ЧЕГОДАЕВА